

Украина – поле аксиологической битвы Запада и России

Калмыков А.А., доктор филологических наук, кандидат педагогических наук, профессор кафедры теории и практики общественных связей РГГУ; e-mail: alex.kalmykov@gmail.com

Анализируется современное противостояние между Западом и Русским миром в аксиологическом плане, а также значение медийной составляющей этого процесса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Украина, Западная цивилизация, Русский мир, русская идея, русская земля, аксиологическая война.

На Донбассе почти год идет война. Однако, что это за война, кто с кем и за что воюет, невозможно выяснить на основании ее медийных отражений. Конечно, у войны была и есть своя логика конструирования актуальной реальности в интересах противоборствующих сторон. Однако в данном случае медийная картина не позволяет однозначно определить противоборствующие стороны и характер войны.

Ее именуют гражданской и освободительной с одной стороны, и антитеррористической операцией и агрессией России против Украины с другой. Например, участники, так называемого, АТО утверждают, что они воюют с регулярной российской армией, и, похоже, действительно в этом убеждены.

Теоретические построения относительно полионтичности¹ реальности (т.е. пространственно-временной совместности множества планов бытия), идеи конструкционизма², а также мысль о том, что факт это не то, что произошло на самом деле, а интерпретация, осуществленная на основании исходных мировоззренческих императивов, убеждают, что и в данном случае происходит возникновение несовместных жизненных миров, коммуникации между обителями которых оказываются невозможны.

В одной из своих лекций Г.П. Щедровицкий объяснил появление философии удивлением, которое испытывает философ, сталкиваясь с противоречием между умозрительным (спекулятивным) и очевидным. Например, стержень, опущенный в стакан с водой, выглядит преломленным, хотя мы знаем, что это оптическая иллюзия. Теоретическое

¹ Эта мысль развивается в виртуалистике Н.А. Носова. См.: *Носов Н.А.* Манифест виртуалистики // Труды лаборатории виртуалистики. Выпуск 15. - М.: Путь, 2001.

² См.: *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995; Джерджен К. Социальный конструкционизм: знание и практика Сб. статей / Пер. с англ. А.М.Корбуца; Под общ. ред. А.А.Полонникова. - Минск: БГУ, 2003.

знание здесь позволяет корректировать эмпирический факт.

Вот почему, нет никакой возможности восстановить истинную картину событий на основании сборки множества противоречивых медийных интерпретаций. Для ее восстановления необходима базовая мировоззренческая и идеологическая платформа. Проблема в том, что она у каждого своя, что приводит к погружению в индивидуальные экзистенциальные миры и существованию в них с уверенностью в их единственности и правдивости. Так работает психологический механизм перцепции, как на индивидуальном, так и на социальном уровне. Причем, если в обществе модерна существуют средства (тоталитарный дискурс) сборки индивидуальных реальностей в нечто общее, то постмодернизм с его плюралистичностью и мультипрезентативностью в полной мере воспользоваться этими средствами не может. Впрочем, не может он и полностью снять сакральную ценностную структуру общества, поскольку этому противодействуют механизмы социального самосохранения. Возможно лишь снятие слоев профанированных ценностей.

Ушло в прошлое противостояние социально-экономических систем капитализма и социализма, если такое противостояние на самом деле имело место. Противостояли и конкурировали сами модернистские проекты, так как каждый из них базировался на собственной мировоззренческой конструкции.

Причем, всем политическим проектам модерна были свойственны: экстенсивное развитие технологий и сверх эксплуатация ресурсов, в том числе и человеческих; пропаганда искусственно сконструированного образа будущего; реконструкция истории под образ будущего; расширение пропагандистского давления с помощью СМИ; репрессии; эксплуатация образов внутреннего и внешнего врага; выделение какого-то одного принципа организации общественной жизни в ущерб остальным (тоталитарный идеологический дискурс); мессианские претензии на спасение мира от «неправильного» устройства; гипертрофированная рациональность повседневности¹.

Сегодня мы наблюдаем противостояние модернистского проекта либерализма формирующейся постмодернистской цивилизации. Точнее речь идет об агонии либерализма, которая сопровождается временной реанимацией и мобилизацией модернистских проектов фашизма и фундаментализма. Системная несовместимость модернистской и постмодернистской логики приводит к тому, что эта война приобретает размытые, смешанные, гибридные свойства. Само появление термина «гибридная война», видимо, именно этим и обусловлено.

На практике гибридная война сводится к созданию реальных и фан-

¹ Подробнее см.: *Калмыков А.А.* Судьба политического в цивилизации модерна: эконопсихологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». № 1. М., 2011. С.9-15; *Калмыков А.А.* Логика абсурда в современной политике. / Вестник РГГУ №1 (123) – М., 2014. С.37-46.

томных угроз у населения и международного сообщества. Кроме того, гибридная война предполагает втягивание в нее и дополнительных участников, что наглядно демонстрирует кризис на Украине, где, с одной стороны, идет гражданская война, то есть противостояние внутри разделенного украинского народа, по-разному представляющего свое будущее. С другой стороны, это война между Западом и Русским миром, в которой, в той или иной степени, участвуют практически все страны Европы, США и Канады. Получается, что гражданская война на Украине – часть гибридной мировой войны, в которой Украина становится не целью, а средством, даже оружием в глобальном цивилизационном конфликте.

Как бы не был важен конфликт геополитических и экономических интересов, основное поле битвы разворачивается в информационно-коммуникативном пространстве, в сфере ценностей и идентичности. Эту войну можно назвать также аксиологической (ценностной). В ней основная роль отводится медиа. Они осуществляют конструирование соответствующих экзистенциальных реальностей, где сообщения изначально верифицированы базовыми ценностными установками, и воспринимаются одновременно и как истинное, и как ложное.

Например, Б. Обама назвал как-то Россию региональным лидером. А потом еще и обозначил ее политику как одну из трех основных угроз человечеству.

Первое утверждение с позиции ценностей Русского мира, абсурдно, поскольку миссия России была и остается всемирной. Чего не может допустить президент Северной Америки, так как в ее либеральной идеологии заложена исключительность американского лидерства, основанная на финансовом управлении.

Мы же полагаем, что «Святая Русь», отчасти синонимичная России, - это все те части Земли, где было проповедано Евангелие, то есть весь Мир.

«Так Святая Русь становится свидетельницей и современницей важнейших событий христианской истории. Осознавая себя совокупностью священных христианских иконотопосов, Святая Русь становится эонотопосом: вечность нисходит на ее святые места и придает им общехристианское и вневременное бытие и значение»¹, – пишет современный русский философ Валерий Лепяхин. «Время в эонотопосе, будь то хронологическое или циклическое, не самостоятельно и автономно, но тесно связано с вечностью, оно понимается и изображается как двуединая време вечность. Время не мыслится вне вечности...»² Русь-Империя, таким образом, простирается в бесконечность, как в пространственном, так и во временном смысле. Следовательно, здесь речь идет уже о некоторой мистической коммуникативной вертикали, транслирующей в обыденную реальность высшие смыслы и ценности

¹ Валерий Лепяхин. Икона и иконичность. Сегед, 2000. С. 132.

² Там же, С. 245.

и связывающей образы посюстороннего мира с первообразами.

В духовных стихах, дошедших до нас с XV века, в том числе из «Голубиной книги»¹ лейтмотивом звучит мысль о том, что центром Святой Руси является город Иерусалим, а иногда и непосредственно Эдем. Следовательно, Русь воспринимается как весь христианский мир, и как весь мир. Следует отметить, что эти тексты, как правило, не носили канонического характера и распространялись в среде старообрядцев и сектантов-раскольников, то есть тех людей, которых сегодняшним языком можно назвать оппозицией по отношению к государственной власти. Имперская по существу идея всемирности России никак не соотносилась с властью. Имперскость понималась как стремление к установлению естественной космичности бытия.

Подобное мироощущение до сих пор свойственно каждому русскому, точнее тому, кто таковым себя считает. Оно чудным образом уживается с осознанием реальных государственных границ и временности бытия.

Второе утверждение Б. Обамы отчасти верно, поскольку традиционные православные ценности, не подвластные постмодернистским профанациям, противостоят «цивилизаторским» ценностям современного Запада, постепенно избавляющихся не только от христианских, но и от общечеловеческих нравственных основ.

«В мире, где в экономике доминируют финансовые спекуляции, а в политике растёт манипулирование, в культуре будет преобладать потребительство как образ жизни. <...> сегодня «символическое насилие» получило новый импульс, более того, стало чем-то естественным, перешло на уровень фона, социальной атмосферы. Добиваться экономических успехов, воздействуя на сознание, оказалось эффективнее, чем трансформировать физический материал. Здесь и таятся социокультурные угрозы национальному государству: формирование идентичности ускользает из его рук»². Россия действительно является угрозой для глобалистического вестернизационного проекта «золотого миллиарда», который невозможно осуществить, оставаясь на христианских позициях. Россия угрожает сохранению комфортного существования «избранной» части человечества, ее теплохладному бытию и, главное, гегемонии центра реализации последнего модернистского проекта либерализма и его инструментам: США и доллару.

Речь действительно идет о Большой игре, ставки в которой чрезвычайно велики. По отношению к Украине аксиологическая война идет не

¹ Сборник восточно-славянских народных духовных стихов конца XV — начала XVI века, в вопросах и ответах которого даются сведения о происхождении мира, людей, словесий, сведения географические, естественно-научные и другие. Можно сказать, что она фиксировала актуальную народную картину мира. См. Федотов Г.П. Стихи духовные: Рус. нар. вера по духовным стихам. М., 1991.

² *Гранин. Ю.Д.* Угрозы национальной идентичности в эпоху современной глобализации. // Вестник Электронных и печатных СМИ. Выпуск №20. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2689>

одно столетие. Она велась западными соседями с целью сформировать у малороссов представление о том, что они никакого отношения к русским не имеют, ни духовно, ни культурно с Русским миром не связаны, а их ценностная структура в корне противоречит образу жизни великороссов и белорусов. Для решения этой задачи использовалось множество средств: разработка и насильственное распространение украинского литературного языка, создание раскольничьей Униатской греко-католической церкви, конструирование псевдонаучной истории Украины (Грушевский), да и укоренение самого этнонима – «украинцы». В деле дерусификации Малороссии вначале активно участвовали соседи: Речь Посполита, Австро-Венгрия, а затем и Советское государство. С момента «незалежности» (1991 г.) к этому подключились США и ЕС.

Конечно, можно удивляться тому, что почти четверть века РФ безмятежно взидала, как Запад использовал изощренные психологические и медийные технологии, системно и методично формируя в современном украинском обществе образ врага в лице России и русских. Однако важнее понять, с помощью каких средств это делалось, и что нужно делать сейчас, чтобы изменить ситуацию. Это необходимо потому, что малорусы вместе с великороссами и белорусами являются ядром Русского мира, т.е. русского суперэтноса. Потеря Украины – это потеря ядерной части Русского мира.

Еще в октябре 1998 г. Министерство обороны США ввело в действие «Объединенную доктрину информационных операций» (Joint Pub 3-13 «Information Operations», DOD US, December 1998).

В ней определение термина «информационная операция» было сформулировано следующим образом: «информационная операция — это действия, предпринимаемые с целью затруднить сбор, обработку, передачу и хранение информации информационными системами противника при защите собственной информации и информационных систем»¹.

В данном определении акцент сделан в основном на технической стороне работы с информацией и больше относится к периоду непосредственного ведения боевых действий. Однако в руководящих документах НАТО, принятых в следующем (1999) году, информационная операция определяется уже как «действия, предпринимаемые с целью оказания влияния на принятие решений в поддержку собственных политических и военных целей путем воздействия на информацию, информационные процессы и системы управления противника, при одновременной защите собственной информации и информационных систем»².

Ясно, что в качестве мишени здесь уже фигурирует индивидуальное,

¹ См. *Joint Pub 3-13 «Information Operations», DOD US, December 1998* цит. по С. Гриняев. Концепция ведения информационной войны в некоторых странах мира. URL: <http://pentagonus.ru/publ/22-1-0-196>

² См. В.Б. Вепринцев, А.В. Манойло, А.И. Петренко, Д.Б. Фролов. Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник. — М., 2005.

групповое и массовое сознание и бессознательное. То есть используется то, что Ю.В. Громыко назвал концентриальным оружием или оружием поражающим сознание и идентификационную матрицу у населения¹.

Интересно сравнить этот подход с элементами концепции информационной войны, разрабатываемой в Китае. Она в значительной степени базируется на исторических и национальных представлениях о войне, в частности, на знаменитых 36 стратегемах Сун Цзы².

Приведем некоторые из них: обмануть императора, чтобы он переплыл море; убить чужим ножом; в покое ожидать утомленного врага; поднять шум на востоке — напасть на западе; извлечь нечто из ничего; бить по траве, чтобы вспугнуть змею; если хочешь что-нибудь поймать, сначала отпусти; бросить кирпич, чтобы получить нефрит; закрыть дверь, чтобы поймать вора; объявить, что только собираешься пройти сквозь государство Го и захватить его; прикидываться безумным, сохраняя рассудок; заманить на крышу и убрать лестницу и т.п.

Метафорическая форма древних стратегем Сун Цзы звучит неожиданно современно и означает переход от механизированной войны эпохи индустриализма к противостоянию форм принятия решений, стиля управления, знаний и интеллекта эпохи постиндустриализма. Однако, как легко понять и на такой «интеллектуальной» войне тоже убивают, причем в массовом количестве. И не только убивают, но и поражают разум, чувства, идентичность.

Основным каналом при осуществлении информационно-психологических операций остаются СМИ. Причем с развитием Интернета арсенал информационного вооружения значительно пополнился за счет фотожаб³, медиавируссов⁴, мемов⁵, демотиваторов⁶, троллинга⁷ и т.п.

¹ См. Ю. Громыко. Оружие, поражающее сознание, - что это такое? URL: <http://www.pereplet.ru/text/grom0.html>

² Тридцать шесть стратегем. Китайские секреты успеха (Перевод с китайского В. В. Малявина) — М.: Белые альвы, 2000.

³ Фотожаба (сленг), изображение полученное с помощью фотомонтажа (изначально в графическом редакторе Adobe Photoshop) следуя, как правило логики абсурда.

⁴ Медиавирус (англ. media virus) — термин, введенный американским специалистом в области средств массовой коммуникации Дугласом Рашкоффом (1994г.) для обозначения медиасобытий, обладающих свойством спонтанного распространения и размножения, и способных вызвать значимые изменения в жизни общества.

⁵ Мем (англ. meme) — фраза, картинка, видео, звукоряд, т.е. смысловой фрейм иронического характера, приобретший популярность и самопроизвольно распространяющийся в пространстве Интернета. Этот термин вошел в употребление в середине первого десятилетия XXI века.

⁶ Демотиватор — пародия на мотиватор (т.е. агитационно-пропагандистский плакат), изображение, состоящее из картинки в рамке и комментирующей её надписи, составленной по достаточно строгому канону.

⁷ От англ. trolling — «ловля рыбы на блесну», подразумевает провоцирование конфликта при общении в сети по средством скрытого или явного принижения и оскорбления дру-

Несмотря на то, что все эти понятия заимствованы из сленга и не входят в научный тезаурус, появляется необходимость рассматривать их с позиции теории журналистики и теории жанров. Они чрезвычайно широко распространены в медиасреде. С другой стороны, это действительно достаточно эффективные средства ведения информационной войны, наряду с традиционными: карикатурой, фельетоном, памфлетом и т.п.

В том же ряду стоят фейки (от англ. fake – подделка, фальшивка, фальсификат, муляж). Термин кажется синонимичным устоявшемуся ранее понятию «газетная утка» обозначавшему публикацию в СМИ выдумки и ложного сенсационного слуха. Происхождение этого понятия, по легенде, восходит к брюссельскому журналисту времен Наполеона, который опубликовал заметку о прожорливых утках. В ней повествовалось, о «сенсационном» эксперименте с водоплавающими птицами, которых последовательно кормили убиенными и расчлененными сородичами, пока не осталась одна единственная, упитавшаяся мясом и кровью своих подруг. Именно эта «упитавшаяся» утка стала метафорой неправдоподобных газетных «новостей». Вместе с тем утка и фейк понятия разные, поскольку в первом случае СМИ распространяют «сенсации», ради привлечения легковерной публики, а во втором, с помощью ложной информации, иницируются значимые политические решения, не говоря уже о реформатировании в заданном направлении общественного мнения. К сожалению, информационное сопровождение украинского кризиса изобилует подобными примерами.

Фейк, чаще всего, - это некоторое сообщение, проиллюстрированное фото или видео, взятых из архива или Интернета, то есть не относящихся к месту и времени описанного события. Подобное обстоятельство позволяет разоблачать фейки, с помощью поиска в Интернете исходных материалов. Можно вероятно говорить о появлении особого вида журналистской деятельности – разоблачение фейков. Так, например, работает опальный украинский журналист-медиаэксперт Анатолий Шарий¹. Справедливости ради следует допустить, что фейки могут являться результатом небрежной и непрофессиональной работы журналистов и редакторов, однако в условиях информационной войны они чаще всего имеют целенаправленный программирующий характер.

Следует также различать фейк и дезинформацию, поскольку последняя направлена на инициацию принятия противником ошибочных решений, а фейк – на оправдание решений атакующей стороной, хотя и то и другое является, по сути, ложной информацией, но преследует различные тактические цели.

В этой связи сотрудник Центра оборонных исследований Российско-

гих участников, зачастую с нарушением правил сайта и этики сетевого взаимодействия.

¹ См.: Сайт *Анатолия Шария* <http://sharij.net>; канал А. Шария в YouTube <http://www.youtube.com/user/SuperSharij>

го института стратегических исследований (РИСИ), кандидат технических наук Игорь Николайчук отмечает: «если число негативных публикаций за единицу времени превышает в пять раз число нейтральных, то мы начинаем рассматривать ситуацию как информационную войну»¹.

Важно отметить, что наблюдается жесткая корреляция серьезных политических и геополитических решений с информационной политикой самых разных СМИ, даже на уровне лексики заголовков. Это говорит о том, что свобода слова, как одна из базовых западных ценностей, не более чем миф. Кроме того, установлено, что первой мишенью информационных операций является собственное население, и только после его обработки начинается атака на противника с включением оппозиционных СМИ. Таким образом, с помощью мониторинга публикаций, использующего современные медиаметрические методы можно прогнозировать не только развертывание агрессии и нарастание напряженности, но и принятие значимых политико-экономических решений, чреватых резким изменением курса.

Сербская on-line газета «Политика» отмечает: «анализ западных СМИ, пишущих о России, показывает, что на одну нейтральную статью или телерепортаж о России и Путине в американских СМИ идет шесть статей и сюжетов крайне негативных. В немецких СМИ отношение нейтральных и негативных статей о России является одним к 7,5. Германия в полную силу вступила в медийную войну против России и Владимира Путина»². Это подтверждает развертывание информационной войны Запада против России. Причем значительная часть негативных публикаций связана с ситуацией на Украине.

Кроме того, демонизация образа В.В. Путина, характерная для актуального западного медиаполя, может означать подготовку к развертыванию уже в самой России информационной операции, направленной на смену власти с помощью технологии «оранжевых» революций. Причем, поскольку очевидно, что либеральное крыло оппозиции практически полностью дискредитировано, то ставка может быть сделана на возвращение и поддержку совсем других сил, в частности, на тех патриотов, которые считают действия России на Украине недостаточно решительными.

В такой ситуации перед российскими СМИ стоит ответственная контрпропагандистская задача – защита В.В. Путина (как основной мишени), а также политики России в условиях усиливающегося западного давления. Ее решение осложнено тем, что в ельцинской конституции прописана недопустимость существования государственной

¹ См.: Об информационных войнах сегодня пишут и говорят многие. URL: <http://jarki.ru/wppress/2014/10/25/3436/>

² Мирослав Лазански. Холивуд на Балкану. Политика On-line. 04 март 2015 URL: <http://www.politika.rs/pogledi/Miroslav-Lazanski/Holivud-na-Balkanu.sr.html>. Цитируется по URL: <http://ukraina.ru/opinions/20150304/1012293720.html>

идеологии¹, поэтому важным для согласованной медиаполитики России является внятная формулировка, если не идеологии, то, хотя бы, стратегии развития России и Русского мира.

Если вспомнить о том, что сейчас мир стоит на пороге глобального реформатирования межгосударственных отношений вплоть до опасного пересмотра результатов Второй мировой войны и созданных после нее международных институтов, то вопрос об устойчивости власти в России сводится к вопросу о сохранении ее суверенитета и целостности. Одновременно важнейшей задачей является недопустимость возвращения к тоталитарной модели управления в процессе усиления необходимой мобилизационной активности.

Что касается содержания данной стратегии, то, на мой взгляд, необходим рефлексивный акт осознания Россией себя в качестве империи, поскольку она действительно была, есть и будет таковой. В противном случае просто исчезнет. При этом непродуктивным и ошибочным было бы переносить формы имперского бытия, сложившиеся в Российской Империи или СССР. Нужно разрабатывать новые формы, более соответствующие современным реалиям. Но внутренний смысл имперскости при этом должен быть сохранен.

Что же такое империя? Ответить на этот вопрос строго опираясь на аргументы, видимо, сегодня не представляется возможным, не только потому, что даже в научном дискурсе в дефинициях термина трудно отделить субъективно-оценочную и, как правило, политически ангажированную позицию от собственно научной, но и потому, что само понятие постоянно видоизменяется во времени. В словарях толкование термина варьируется от понятия государства, управляемого императором, до некоторой очень сложной полиэтнической и поликонфессиональной конструкции, управляемой центральной властью. Не выработано более или менее и внятного списка признаков, по которым можно государственное образование отнести к империи². Вместе с тем не только научное, но и обыденное сознание редко ошибается в идентификации того или иного государственного образования как империи. Особенно если это касается России.

В качестве примера приведем высказывание этнопсихолога, исследователя феномена Российской империи С.В. Лурье:

«Мы живем в многонациональном государстве. И этого факта никто не сможет отменить. Вторая Чеченская война, и ее практически единогласное одобрение российским обществом, говорит о том, что идеей мононационального государства, нации-государства мы уже переболели. Вспомним, как на протяжении многих лет вполне серьезные по-

¹ Конституция Российской Федерации. Статья 13. П.2 Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

² См.: *Гранин Ю.Д.* Расцвет и закат империй. США И Россия. // Вестник электронных и печатных СМИ №19. М.: Академия медиаиндустрии, 2012. С. 3-27.

литики всерьез могли говорить: «А не отпустить ли нам Чечню на все четыре стороны?» и никто не запирал их в сумасшедший дом. Сегодня подобное могут позволить себе только политические маргиналы. Большинство давно уже не сомневается в том, что Чечня, Татария или Осетия – это такая же Россия, как и Вологодчина или Брянщина. Заодно как-то улетучилась и мысль, что все многонациональные государства – достояния прошлого, что все империи рано или поздно погибают»¹.

Разумеется, для выработки стратегии Империи-Россия требуется самое широкое народное обсуждение, что позволит не только определить ориентиры национальной информационной политики, но и вовлечь в решение этой огромной задачи широкие круги специалистов формируя, таким образом, пласт носителей идеи Русского мира. Очевидно, что роль медиа здесь нельзя преуменьшить. Однако сегодня в отечественном медиапространстве не наблюдается, чтобы подобная работа велась достаточно системно. Более того, иной раз возникает ощущение, что идеи Русского мира и русской идентичности игнорируются, забалтываются и даже шельмуются.

Возвращаясь к теме информационной войны, отметим, что разновидностью информационных операций является психологическая операция (информационно-психологическая операция, англ. — Psychological Operations, PSYOP). В общем плане психологические операции состоят из дипломатических, политических, военных, экономических и собственно информационно-психологических действий, направленных на конкретные группы людей с целью внедрения в их сознание и бессознательное изначально чуждых идеологических и социальных установок, трансформацию в нужном направлении их настроений, чувств, воли; изменение картины (модели) мира, следствием чего должно стать изменение поведения и реагирования в необходимом направлении.

Речь идет о программировании поведения. Кстати, одна из технологий, используемых в подобных целях, так и называется нейро-лингвистическое программирование (NLP), которое можно понимать как манипулирование протеканием высших психических функций (вплоть до изменения личности) посредством знаковых систем, например, языка. Иногда действие NLP называют зомбированием, полным рефреймингом личности с сохранением внешней телесной оболочки. Технология NLP может применяться как против индивидуума, так и в массовом порядке. Например, в девяностые годы на Украине появилась секта «Белое Братство», которая, несмотря на откровенно бредовую идеологию (достаточно упомянуть «имя» лидера – Мария Деви Христос по паспорту Марина Цвигун), стремительно развивалась, приобретая тысячи новых адептов. Степень зомбирования в ней была настолько высока, что специалисты, занимающиеся реабилитацией членов тоталитарных

¹ См. С. Лурье Империя как судьба. URL: http://svlourie.narod.ru/2011-04-16/Imperiya_kak_sudba.doc

сект, практически ничего с «белыми братьями» сделать не могли, даже после того, как обещанного конца света не наступило, а секту разогнали и лидеров посадили. Потом выяснилось, что среди прочего в секте активно использовались техники NLP.

Техники NLP применялись и на майдане. Достаточно упомянуть скачки под речевку «Кто не скачет, тот москаль». Эта процедура нацелена на формирование групповой идентичности. Здесь использован метод психологического настроя с помощью совместных синхронных движений, являющийся особым видом введения в транс.

Механизм прост: коллективные ритмичные действия приводят к синхронизации эмоциональных состояний, возникновению состояния эйфории близкой к наркотическому опьянению и, как следствие, к ощущению единения и силы. Это состояние отключает оценку сознанием происходящего, критичность, дает физиологическое подкрепление внушаемым идеологемам (например, «коммуняку на гиляку»), то есть усиливает манипуляционное воздействие. В итоге в заданном направлении трансформируется система ценностей и установок личности. И эта трансформация может быть достаточно устойчивой, поскольку все вновь приобретенное подкреплено (техника якорения) эмоциональной памятью о состоянии радости испытанной на подобных радениях.

Нечто аналогичное может быть создано и в медийном пространстве в целом. Конечно, суггестивный эффект здесь ниже, но при массированном, систематическом и продолжительном по времени воздействию можно обеспечить практически такую же эффективность.

С помощью этих технологий Украина отказалась практически от всего, что было создано с ее непосредственным участием в рамках Русского мира, утратив, в том числе, и статус народа-победителя во Второй мировой войне.

Устойчивая аксиологическая структура нации создается тысячелетиями, и все это Украиной было отторгнуто. Следовательно, нужно было у кого-то что-то позаимствовать и освоить. Вот откуда лозунг «Украина це Европа», превращающий территорию государства в поле битвы между ценностями Русского мира и Запада.

Однако аксиологическую матрицу Запада сегодня уже нельзя назвать устойчивой. Достаточно указать на ревизию отношения к базовым социально-культурным табу в том числе: инцесту, педофилии, эвтаназии, каннибализму, легализации однополых браков и т.п. Тенденция легитимации всего этого приводит к тому, что образ жизни маргинальных сообществ заставляет остальную большую часть общества признавать его в качестве нормы. Европейская идентичность национальных государств, основанная на богатейшей культурной традиции, включающей, в том числе, христианские принципы, подвергается серьезной эрозии вплоть до уничтожения. До такой степени, что называть Европу христианской становится проблематично.

Сегодняшняя Европа весьма взрывоопасна, несмотря на глобалистическую политику «золотого миллиарда», которая еще вчера, казалось, могла навсегда обеспечить комфортное существования «привилегированной» части человечества. Вот почему, все чаще раздаются голоса о скатывании Запада в состояние средневековья¹.

Питирим Сорокин еще в 1957 году писал: «Когда все ценности атомизируются, исчезнут авторитетное «общественное мнение» и «мировое осознание» /.../ Договоры и соглашения утратят остатки своей обязывающей власти. Построенный западным человеком за предыдущие столетия величественный договорный социокультурный дом рухнет. Его падение сметет договорную демократию, договорный капитализм, вкупе с частной собственностью, и договорное общество свободных людей. Грубая сила и циничный обман окажутся единственными атрибутами всех межличностных и межгрупповых отношений. Сила станет правом... Свобода для большинства превратится в миф, зато господствующее меньшинство будет пользоваться ею с необузданной распущенностью. ...Распад семьи как священного союза мужа и жены, родителей и детей продолжится. ...Продолжится увядание творческого потенциала культуры. /.../ Материальный уровень жизни снизится. /.../ Уменьшится безопасность жизни и имущества»².

К сожалению, пророчество Питирима Сорокина сбывается. Напротив, Русский мир демонстрирует способность к актуализации и творческому обновлению органически присущей ему аксиологической матрицы. Святейший Патриарх Кирилл, выступая в Государственной думе РФ 22 января 2015 г. отметил, что «сегодня наша страна находится на пороге нового исторического выбора, нового этапа развития. В этот момент мы должны подумать над тем, как не копировать что-то по старым шаблонам, а, возвышаясь до уровня подлинного социального творчества, прийти к новому мировоззренческому синтезу. Цель его в том, чтобы взять все лучшее, что было в нашем прошлом, и построить на этой основе фундамент будущего»³.

Предстоятель выделил в исторической ретроспективе несколько ключевых ценностных ориентиров: вера, державность, справедливость, солидарность и достоинство. Эти позиции связаны с основными этапами становления российского государства таким образом, что проясняют подлинный духовный смысл, подчас трагических моментов нашей истории. Так, например, о революции Патриарх сказал: «Ни у кого не было стремления и желания представить лубочную картину этому

¹ См. например: Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. N 4. С. 258—267.

² Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., коммент. и ст. В.В. Сапова. — СПб.: Изд. РХГИ, 2000. С. 808-809.

³ См.: URL.: <http://jarki.ru/wpress/2015/02/14/3461/>

страшному явлению. Но возникает вопрос: а что-то хорошее было? /.../ Мы ответили — было. Стремление людей к справедливости»¹.

Современный этап, по мнению председателя, характеризуется словом «достоинство». Как тут не сравнить «революцию достоинства», под которой киевские элиты подразумевают устроенный ими кровавый переворот, спровоцировавший гражданскую войну, утрату суверенитета, разруху и обнищание миллионов украинцев. Видимо в понятие «достоинство» внедряемое украинскими медиа в национальное самосознание вкладывается какой-то иной, непонятный нам смысл.

Вновь формируемая (с помощью медиа) аксиологическая матрица украинского народа активно заполняется не только идеей «Украина це Европа», но и откровенным нацизмом, однако слепленным на скорую руку, на основе придуманной «потешной» истории укров², что особенно четко прослеживается при неудачных попытках государственного строительства. Подобное явно химерическое образование не жизнеспособно, хотя и оказывается способным создавать и актуализировать мифы об основании европейского государства Руси-Украине князем Владимиром, вечным вражеским москальско-татарским окружением и т.п. Не менее абсурдными являются и современные интерпретации происходящего. При этом никакие очевидные логические противоречия не смущают не только население, но и, казалось бы, просвещенные слои общества. Украина погружена с помощью западной либеральной модернисткой инъекции в жизненную реальность, не содержащую никаких оттенков. И когда мы уличаем и стыдим какого-либо украинского политического деятеля или журналиста в откровенном вранье (что происходит с завидной регулярностью на российских ток-шоу), мы вероятно не совсем справедливы, поскольку они действительно верят в то, что говорят, и живут с этим.

В России ничего подобного не происходит, не смотря на согласованность позиции большинства политологов и журналистов по отношению к событиям на Украине и в Крыму. И дело тут не в объективности подачи материала, которая вряд ли может быть достигнута в принципе в каких-либо медиа. Речь идет о новом типе дискурса. Например, фильм Андрея Кондрашова «Крым. Путь на Родину» (15 марта, канал «Россия») продемонстрировал (по сути, задал) совершенно новый тип президентского дискурса, характеризующийся такой степенью откровенности и открытости, которую вряд ли может позволить себе кто-либо из зарубежных президентов. Именно это, а не изложенные факты, думаю, вызвало сильное раздражение, так как было расценено в качестве нового вызова Западу этими странными русскими, исповедующими

¹ Там же.

² На самом деле Укры или Укране (укра́ны, укря́не, Ukranen, Ukrer, Ukri, Vukraner) никакого отношения, ни к Украине, ни к украинцам не имеют. Это западнославянское племя, проживавшее в период с VI века примерно до XII века на побережьях реки Укер (нем. Ucker), откуда и произошло это этническое название.

ми нерациональную идею: «не в силе Бог, а в правде!».

Поэтому Россия продвигается вперед в XXI век, а Запад, к сожалению, спускается вниз, в средневековье.

Литература

- *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевич; Моск. филос. фонд. — М.: Academia-Центр; Медиум, 1995.
- *Валерий Лепехин.* Икона и иконичность. Сегед, 2000.
- *Вепринцев В.Б., Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б.* Операции информационно-психологической войны: краткий энциклопедический словарь-справочник. — М., 2005.
- *Гранин Ю.Д.* Расцвет и закат империй. США И Россия. // Вестник электронных и печатных СМИ №19. М.: Академия медиаиндустрии, 2012.
- *Гранин Ю.Д.* Угрозы национальной идентичности в эпоху современной глобализации. // Вестник Электронных и печатных СМИ. Выпуск №20. URL: <http://www.ipk.ru/index.php?id=2689>
- *Гриняев С.* Концепция ведения информационной войны в некоторых странах мира. URL: <http://pentagonus.ru/publ/22-1-0-196>
- *Громыко Ю.В.* Оружие, поражающее сознание, - что это такое? URL: <http://www.pereplet.ru/text/grom0.html>
- *Джерджен К.* Социальный конструкционизм: знание и практика. Сб. статей / Пер. с англ. А.М. Корбута; Под общ. ред. А.А. Полонникова. - Минск: БГУ, 2003.
- *Калмыков А.А.* Судьба политического в цивилизации модерна: эконпсихологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Политология. Социально-коммуникативные науки». № 1. М., 2011.
- *Калмыков А.А.* Логика абсурда в современной политике./ Вестник РГГУ №1 (123) – М., 2014.
- Конституция Российской Федерации.
- *Носов Н.А.* Манифест виртуалистики // Труды лаборатории виртуалистики Выпуск 15 - М.: Путь, 2001.
- *Светлана Лурье.* Империя как судьба. URL: http://svlourie.narod.ru/2011-04-16/Imperiya_kak_sudba.doc
- *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ., коммент. и ст. В.В. Сапова. — СПб.: Изд. РХГИ, 2000. С. 808-809.
- Тридцать шесть стратагем. Китайские секреты успеха (Перевод с китайского В.В. Малявина) — М.: Белые альвы, 2000.
- *Федотов Г.П.* Стихи духовные: Рус. нар. вера по духовным стихам. М., 1991.
- *Хелемендик В.С.* Информационный глобализм и информацион-

ная безопасность. СМИ в эпоху глобализации (Материалы научно-практической конференции. Москва, 3 апреля 2012 года). Научное издание. – М.: Академия медиаиндустрии. 2012.

- Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. 1994. N 4.